

Русские немцы: грустные страницы истории

Этот очерк принесли к нам в редакцию месяц назад, позже мы нашли его на одном из сайтов, посвященном истории поволжских немцев. Это частная история, в которой отразилась трагическая судьба всех выселенных немцев Поволжья. Герою рассказа пришлось в совсем юном возрасте, не зная русского языка, оказаться в рядах так называемых трудармейцев. А по сути трудармия – просто лагеря. Он участвовал в строительстве железнодорожного моста через Северную Двину. О том, как Арнольду Бастеру удалось выжить в лагерях Котласа и Жешарга (Республика Коми), и пойдет рассказ. Полностью очерк был опубликован в бюллетене Канзасского отделения Американского исторического общества российских немцев (Northeast Kansas Chapter of the American Historical Society of Germans from Russia. April/May 2006).

Порой даже небольшая история, рассказанная непосредственными ее участниками, дает большее представление о ней, чем прочтение о том же событии в каком-нибудь учебнике истории. Ну а если такой рассказ охватывает период в 20-30 лет и события, о которых идет речь, происходили более полувека назад? Это ли не подлинная история уходящих времен!

В начале 80-х годов прошлого столетия мой дедушка, Шмидт Карл Карлович, после смерти бабушки приехал из Казахстана и жил у нас до своей смерти в 1987 году. Мне посчастливилось тогда вести с ним обширные и душевные беседы о жизни поволжских немцев до выселения их с Волги в 1941 году. Самой же темы выселения, равно как и темы трудармии, дедушка избегал в своих рассказах. А жаль. Сегодня среди моих родственников осталось всего два человека, которые могут еще поведать о тех далеких и полных трагизма событиях. Один из них – Арнольд Петрович Бастер, муж моей родной тети. В настоящее время он проживает в городе Уральске в Республике Казахстан. Будучи у нас в гостях осенью 2005 года он любезно поделился своими воспоминаниями, которые я и записал с его слов. Александр Шпак, р.п. Средняя Ахтуба (ноябрь 2005 года).

Арнольд Петрович Бастер родился в городе Маркштадте 5 августа 1924 года. Почти все свое детство он провел на хуторе Боосенс Дамм (Bosens Damm). Хутор этот располагался в степи в 40 километрах от Маркштадта. По данным переписи 1926 года, в хуторе насчитывалось 23 домохозяйства, в которых проживало 116 душ обоего пола, в т.ч. мужчин – 69 и женщин – 47. Население составляли исключительно немцы. Когда возник хутор – неизвестно. Но, по словам матери Арнольда Петровича, Елизаветы Ивановны, хутор уже существовал, когда она родилась в 1904 году. А родилась она в этом самом хуторе и в девичестве носила фамилию Нихельман (Nichelmann). Название же хутора объясняется плотиной, вокруг которой и возник хутор, поскольку слово Damm на немецком языке и обозначает – дамба, плотина, запруда.

Арно, как ласково называли дядю Арнольда в детстве, жил на хуторе вместе со своей матерью и младшим на два года братом Виктором. В хуторе Боосенс Дамм в советское время и до выселения немцев с Волги существовал колхоз имени В.И. Ленина, в котором и трудилась простой колхозницей мать Арно. Отец же его, Петр Андреевич Бастер, работал в это время в городе Маркштадте разнорабочим на фабрике «Красный текстильщик». Время от времени отец навещал свою семью. Но в основном, по причине занятости на фабрике, Петр Андреевич проживал в Маркштадте. До октябрьской революции 1917 года семейство Бастер жило зажиточно. Дед Арнольда Петровича, Андрей (Heinrich), имел в собственности обширные жилые и хозяйственные постройки в Екатериненштадте.

Арнольд вспоминает, что «большой дом с французской крышей, амбар, конюшня – все эти постройки располагались на улице Бебеля в Маркштадте и принадлежали моему деду, в 1920-е годы, во время раскулачивания, все имущество у деда отобрали, а семью выселили из собственного дома. Когда я в 1970-х годах, через много лет, посетил город Маркс, то, разумеется, отправился на эту улицу. Дедов дом стоял, как и прежде, на старом месте, да и хозяйственные постройки еще хорошо сохранились, хотя прошло уже столько лет».

Возможно, то, что отец дяди Арнольда был из зажиточной семьи, и послужило причиной его ареста в 1937 году.

«Поздняя осень 1937 года, – вспоминает Арнольд. – Отец приехал из города на хутор и помогал матери по хозяйству. В один из ноябрьских дней мы с мальчишками катались на льду, который уже установился к этому времени на пруду. Вдруг прибегает соседский мальчик и говорит мне:

– Арно, беги скорее на хутор, попрощайся с отцом, за ним приехал милиционер.

Я побежал домой. Отец уже сидел на подводе. Мать стояла рядом и горько плакала. Отец попрощался с нами, рыжий нквдешник стегнул лошадь, и подвода тронулась в путь».

Это были последние мгновения, когда Арнольд видел своего отца. Дальнейшая судьба Петра Андреевича неизвестна.

В 1932 году дяде Арнольду исполнилось восемь лет, и он, как и все советские дети, пошел в школу.

«В первый и второй класс я ходил в школу, которая была в нашем хуторе, – рассказывает Арнольд. – Сейчас уже и не вспомню, как звали мою учительницу, но хорошо помню, что в 1939 году она была награждена орденом Ленина за свою преподавательскую деятельность».

В 1934 году Арнольд отправляется в Маркштадт, чтобы там продолжить учебу.

«В Маркштадте я ходил в семилетнюю школу в Верхнем городе – Oberstadt, – поясняет дядя Арнольд, – а жил у маминной сестры, Анны Ивановны Крамер. Тетя Аня жила на улице Энгельса в доме номер 88. Сейчас это улица имени В.И. Ленина. Школа, в которой я учился, располагалась на улице имени С.М. Кирова. Недалеко от нашей школы, на окраине города, были фруктовые сады, а за ними – пруд, который мы называли Кавакаберг. На каникулах я всегда ездил на хутор Боосенс Дамм навещать маму и брата.

После окончания пятого класса в 1937 году я больше не поехал в город учиться, а пошел работать в колхоз помощником комбайнера. Работал я на комбайне «Сталинец». Отца арестовали, и надо было помогать маме растить

нас с братом. Виктору ведь было в 1937 году одиннадцать лет, а мне – уже тринадцать! Так я и работал в колхозе вплоть до выселения в 1941 году».

28 августа 1941 года, день принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» – черная дата в судьбе российских немцев. Одним росчерком пера была перечеркнута жизнь многих тысяч советских немцев, тысячи семей лишены крова, имущества, которое, кстати, «заботливое» советское государство так и не вернуло своим законопослушным гражданам. Итак, началось выселение...

13 сентября 1941 года всех жителей хутора Боосенс Дамм усадили на подводы и повезли в Маркштадт. В Маркштадте людей с их имуществом погрузили на баржу и отправили по Волге в Саратов, откуда и началось долгое путешествие на восток страны.

«Везли нас в «скотских» вагонах, т.е. в вагонах, в которых в мирное время обычно перевозили скот, – рассказывает Арнольд. – В нескольких вагонах ехали все наши односельчане из хутора Боосенс Дамм. В каждом вагоне было по 5-7 семей. В нашем вагоне в пути никто не умер, и мы все благополучно добрались до станции Бийск в Алтайском крае, куда прибыли 26 сентября 1941 года. За все время пребывания в пути нам всего два раза давали какой-то суп. Но мы его не ели. В дороге нас спасали запасы продуктов, которые мама сумела взять с собой. Перед отъездом, будучи еще дома, мы зарезали свинью. Мама зажарила ее в печи, сложила мясо в ведра, а сверху залила его жиром. Мясо в таком виде хорошо сохранялось в дороге. Кроме того, у нас с собой было два мешка муки. Спали мы в вагоне на перине, которую маме тоже чудом удалось захватить с собой. Вагон не отапливался, но холодно не было. Из-за большого количества людей в одном вагоне (20-30 человек) порой было даже душно. Воду нам не давали, и мы запасались ею на станциях.

В Бийск мы прибыли ночью. Думали, что будем дожидаться утра в вагонах, но нас заставили выгружаться. На улице было холодно. Мы начали собирать хворост, чтобы развести костры. Так и просидели до утра под открытым небом. Утром нас распределили по подводам и начали развозить по окрестным деревням. Наша семья попала в село Бочкари Целинного района Алтайского края. Вместе с нами туда же были отправлены еще пятнадцать семей, живших до выселения в хуторе Боосенс Дамм: Шмидт, Люфт, Ример, Феленгер, Карлин, Сабельфельд, Майер и другие.

Село Бочкари располагалось в шестидесяти километрах от Бийска. Ехали мы на подводах. Из Бийска выехали утром и уже вечером добрались до Бочкарей. Когда приехали в село, нас распределили по квартирам к местным жителям. Расселение прошло тихо и мирно. Хочу сказать, что никаких столкновений между нами, немцами, и местным населением по началу не было. Это уже потом, когда стали приходить с фронта похоронки, люди начали на нас коситься, будто мы были в чем-то виноваты. Находились и такие, которые обзывали нас «фашистами», но в целом все, кто с нами имел дело, характеризовали нас как трудолюбивых, честных и пунктуальных.

В Бочкарях было три колхоза: «Сибиряк», «Вперед» и колхоз имени Тельмана.

У нас дома, на Волге, почти все сельскохозяйственные работы были механизированы. А на Алтае, куда нас привезли, хлеб косили еще на лошадях, а убирали вручную. На току, куда свозили зерно, тоже не было никакой механизации. Кругом ручной труд. Для меня это было непривычно».

Да, нелегко было обживаться на новом месте. Мало того, что весь домашний скarb, скотина остались на Волге, так еще возникла проблема с языком. Большинство немцев совершенно не владели русским языком, и поначалу было тяжело общаться с местным населением. Так или иначе, но на все эти обстоятельства власти мало обращали внимания. Надо было как-то выживать в сложившихся условиях.

«С первых же дней я пошел работать в колхоз, – рассказывает Арнольд. – Через полтора или два месяца меня отправили в Буровлянку в леспромхоз заготавливать лес для колхоза. Заканчивался 1941 год. Мне тогда было уже семнадцать лет».

10 января 1942 года было принято постановление Государственного Комитета Обороны № 1123 «О мобилизации немцев-переселенцев в рабочие колонны», в соответствии с которым немцев-мужчин от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, мобилизовали на все время войны в рабочие колонны.

«После Нового года, – вспоминает Арнольд, – нас, немцев-мужчин, начали забирать через военкоматы в трудовую армию. Так я попал в Котлас».

Термин «трудовая армия» в официальных документах не встречается. «Трудовой армией» (по-немецки, Arbeitsfront) в исторической и мемуарной литературе называют «рабочие колонны», а фактически закамуфлированные концентрационные лагеря ГУЛАГа, в которые были мобилизованы немецкие мужчины и женщины на все время войны. Главное назначение «трудовой армии» – принуждение к каторжному труду «социально опасного немецкого контингента».

Арнольд вспоминает: «23 февраля 1942 года я попал в Архангельскую область в г. Котлас на строительство моста через Северную Двину. Прошло уже более шестидесяти лет, но и сейчас страшно вспоминать то время. Работали мы по двенадцать часов. Кормили нас от выработки. Если, например, выполняешь норму на сто процентов, получаешь 700 граммов черного хлеба на день и котелок баланды. Ели тут же возле полевой кухни. Некоторые уходили есть в барак – на улице ведь холод был страшный! Мороз – 35-40 градусов. Не каждый выдерживал. Котелок и ложку – все носили с собой на поясе. Хлеб выдавали, конечно, не сразу все 700 граммов. Делили на три раза – на завтрак, обед и ужин. Пайки были не одинаковые, кто их там взвешивал, резали буханку хлеба на кусочки на глаз, приблизительно по 200-250 граммов. Выдадут такой кусочек хлеба и котелок баланды, а в котелке мутная водичка, ни одного глазка жира. Хорошо, если иногда попадется кусочек рыбьей головы, репы или турнепса. Вот и вся наша еда была.

Когда нас привезли в Котлас, то не сразу расселили в бараки. Два или три дня мы оставались в своих вагонах. Когда в конце концов мы попали в барак, то там стояла ужасная вонь. Оказывается, до нас там хранили картофель. Запах гнили

пропитал не только воздух, но и стены. Был просто какой-то кошмар. Нары в бараках были устроены в три яруса. Холод – ужасный. Внутри барачков из железных бочек были устроены печки, но они мало спасали от холода. Спали прямо в одежде. Обмундирование нам ни какое не выдавали, ходили, кто в чем приехал. В бараках дежурили по очереди, следили, чтобы не погас огонь в печи. В апреле 1942 года бараки обнесли высоким забором и натянули колочую проволоку.

Начальником лагеря был немец по фамилии Якоби. Я работал в пятой колонне. Позже, когда меня перевели в с. Жешарт в Коми АССР, где я познакомился со своим будущим тестем, Карлом Карловичем Шмидтом, оказалось, что он тоже был в нашем лагере в Котласе. Но он работал в шестой колонне, и я его тогда еще не знал.

Работал я в основном на бетонных работах. Мост строили так. На реке во льду вырубали огромную прорубь, в которую вертикально опускали что-то вроде огромной металлической бочки. Затем из этой емкости откачивали воду и жижу и заливали освободившееся пространство бетоном. Таким образом отливали быки для будущего моста. Бетон для строительства привозили и выливали в большую яму, выдолбленную в земле, а мы должны были возить его на тележках и заливать в приготовленную опалубку. Все надо было делать быстро, чтобы бетон не успел застыть в яме. К тому же была зима, стояли сильнейшие морозы, и бетон просто замерзал в яме. Несколько трудармейцев жгли вокруг ямы костры, чтобы бетон не успел замерзнуть, пока мы его перевозим куда положено.

От холода и голода люди умирали как мухи. Умерших складывали друг на друга тут же на территории лагеря, а потом грузили на сани и трактором куда-то увозили, чтобы закопать в общей яме. Был такой случай. Трактор в очередной раз повез сани с телами умерших, но в дороге он сломался, и сани с мертвецами бросили в лесу. Весной бригада трудармейцев из нашего лагеря, работавшая в лесу, наткнулась на эти сани. Вокруг стояла ужасная вонь. Жуткая картина.

Почти все мужчины из нашего хутора Боосенс Дамм были со мной в одном лагере в Котласе. С одним из них, Карлом Сабельфельдом, у меня были хорошие дружеские отношения. Карл жил в соседнем бараке, и я часто навещал его после работы. Мы так быстро отошались в лагере, что мой товарищ вскоре совсем слег. В очередной раз, когда я пришел к Карлу, он протянул мне узелок и сказал:

– Тут кое-какая одежда и немного хлеба, возьми.

Я стоял в нерешительности.

– Бери, бери, все равно мне уже не понадобится, а тут кто-нибудь чужой заберет.

Видимо, он чувствовал, что не дотянет до утра, и решил заранее распорядиться своими вещами. На другой день Карла не стало. Через много лет, когда я встретился на Алтае с женой Карла Сабельфельда, я не нашел в себе мужества рассказать ей эту историю.

К концу апреля 1942 года строительство моста через Северную Двину было закончено. 1 мая 1942 года состоялось торжественное открытие моста. Под звуки духового оркестра по железной дороге, проложенной по мосту, протаскивали три вагона. Начальство было довольно. Мост был сдан в эксплуатацию как раз к празднику 1 Мая – Дню солидарности трудящихся. Машинисту, который управлял паровозом во время открытия моста, – обыкновенному заключенному, русскому по национальности – сняли 10 лет заключения и отправили на фронт. Начальство считало это высшей наградой для заключенного. А он, в свою очередь, не очень-то обрадовался такой награде. На фронте ведь могли и убить, а в лагере он был от этого, по крайней мере, застрахован. Обычные заключенные находились в более выгодных условиях, чем немцы-трудармейцы. Их и кормили лучше, чем нас, выдавали теплую одежду.

Как я выжил в этом аду – не знаю. Наверное, спасла молодость, мне тогда шел восемнадцатый год. Все ведь и не расскажешь. Судите сами. Когда нас в феврале 1942 года привезли в Котлас, в лагере было 16 тысяч трудармейцев. К 1 мая 1942 года нас осталось не более пяти тысяч!

После сдачи моста в эксплуатацию в лагерь приехала комиссия. Видно, высшее руководство ГУЛАГа было напугано таким высоким уровнем смертности. После разбирательства многие начальники строительства и лагеря были заменены новыми. В это же время в лагере работала комиссия, которая проверяла трудоспособность оставшихся к этому времени в живых трудармейцев. Я к этому времени истощал настолько, что еле передвигался. В надежде, что меня, как тогда говорили в лагере, сактируют, т.е. посчитают не трудоспособным и отправят домой, я пошел на комиссию. Но не тут-то было. Мне сказали, что я еще молодой и могу работать. Мне установили 50 процентов трудоспособности и отправили в другой лагерь, который располагался в 15 километрах от Котласа, на строительство железной дороги. Это было в конце июля – начале августа 1942 года. Я чувствовал себя все хуже и хуже. У меня начали выпадать волосы. Силы совсем покидали меня.

В лагере был свой врач, еврей по национальности. Он совершенно не обращал внимания на таких «доходяг», как я. Однажды в лагерь приехал посторонний врач с инспекцией. Я опять решил попытать счастья и побрел в медпункт. Когда я зашел в кабинет и увидел приезжего врача, то узнал его. Это был немец по фамилии Шпомер, он был из Маркштадта, и я его знал еще с Волги. Воспользовавшись моментом, когда наш лагерный врач вышел из кабинета, я заговорил со Шпомером по-немецки. Коротко объяснил ему, что больше не могу работать и что силы совсем покидают меня. Впрочем, это можно было и не объяснять – по мне и так было видно, что я уже «не жилец». Да, если бы не Шпомер, тогда – конец.

Меня отправили в лазарет в Котлас. В лазарете больные находились под охраной и никуда не имели права отлучаться. Правда, нам разрешали писать письма и те, кто умел писать (многие ведь были неграмотными), переписывался со своими родными. Как сейчас помню строки из моего письма, которое я написал тогда маме: «Liebe, teure Mutter! Schicke mir ne Posylke». И мама прислала мне посылку, в которой, кроме всего прочего, был мешочек с табаком. Этот табак, можно сказать, спас мне жизнь. В госпитальной палате, где я находился на излечении, было еще несколько «доходяг»-мужчин. Они готовы были отдавать мне свои пайки за щепотку табака. Не все, кто был в лазарете, поправлялись. Некоторые продолжали изнемогать и совсем не вставали с больничных коек. Я оказался самым

крепким. Каждое утро я проходил по палате и раскладывал на груди у совсем обессиливших товарищей по несчастью спасительную щепотку табака.

В лазарете мне опять повезло. Я уже поднялся на ноги, и меня должны были снова отправить на работы. Но при очередном обходе врач отозвал меня в сторону и сказал:

– Я пока буду устанавливать тебе диагноз, будто бы ты еще больной и слабый, а ты за это будешь работать в лазарете на кухне.

Так я и пробыл в лазарете до весны 1943 года. Ночью помогал повару на кухне, а днем ухаживал в палате за больными. В разговоре с поваром выяснилось, что он был тоже немец из Маркштадта, фамилия его была Сабельфельд. Немного освоившись, я стал замечать, что Сабельфельд каждую ночь куда-то исчезает из кухни на 30-40 минут. Я спросил его об этом и, поскольку у нас с ним были хорошие отношения, Сабельфельд признался мне, что тайно навещает свою семью, которая, оказывается, жила недалеко от лазарета.

Наступила весна 1943 года. Дальше меня уже не могли держать в лазарете. Меня признали здоровым и окрепшим, т.е. полностью трудоспособным. Комиссия, которая занималась распределением, направила меня в с. Жешарт Коми АССР».

«Весной 1943 года я прибыл в лагерь в с. Жешарт Усть-Вымского района Коми АССР. Бараки, в которых жили трудармейцы, находились за колючей проволокой. Работали мы на лесозаготовке. На работу ходили свободно. Правда, перед тем, как покинуть территорию лагеря, нас пересчитывали и назад в лагерь пускали только тогда, когда все вышедшие из лагеря собирались у ворот. Работали по 12 часов, никаких выходных не было. В бараках спали на нарах, которые были устроены в один ярус. Для отопления в бараках были сложены настоящие печи с плитой сверху. В жешартском лагере нас кормили также, как в Котласе: от выработки. За сто процентов нормы выдавали на день 900 граммов черного хлеба и баланду, ни чем не отличающуюся от той, которой нас кормили в Котласе. Ели мы уже в специальном помещении – в столовой. Обед привозили прямо на участки, где мы работали. Одежду нам не выдавали. Носили, у кого что было. Обувь совсем изнашивалась, ходили чуть ли не босые. Кто-то из трудармейцев придумал шить обувь из невыделанных лошадиных шкур, так называемые «чуни». Спали прямо в этих «чунях», так как, если снять «чуни» и оставить их на полу, то на утро можно было остаться без обуви – ночью крысы утаскивали и съедали эти «чуни». А клопов было – ужас! Съедали нас, и никакого спасения от них не было.

Люди в жешартском лагере уже не умирали в таких огромных количествах, как в Котласе. Чувствовалось, что ситуация понемногу меняется. В конце 1944-го ограждение и охрана вокруг бараков были сняты, а мы все перешли под власть коменданта. Продолжали жить в бараках и свободно ходить на работу, но один раз в месяц должны были отмечаться у коменданта. Без разрешения коменданта нельзя было пойти даже в соседнюю деревню. В это же время выдали нам одежду – первый раз за весь период моего пребывания в трудармии. Это было бывшее в употреблении воинское обмундирование. Хорошо помню, что нам выдали тогда полушубки и валенки. А в конце 1944 года нам всем выдали еще и новые американские ботинки. Многие из трудармейцев меняли у местного населения ботинки на еду. Я тоже поменял их на картофель.

Должен сказать, что мы же ничего не знали – чем жила страна, что творилось на фронте и где он, этот фронт. Жили в полном неведении. От нас, немцев-трудармейцев, требовалось только работать, работать и работать. И вот однажды, это было 9 мая 1945 года, просыпаемся мы утром, около столовой играет духовой оркестр. Никто не может понять, что случилось. Нас построили и объявили, что окончилась война с Германией. По случаю праздника нам устроили нерабочий день и выдали двойную норму черного хлеба. На следующий день было все как обычно – работа, пайка хлеба и баланда. Многие из нас обрадовались окончанию войны и уже мечтали, как поедут к своим семьям, а там и домой, на Волгу. Но старики говорили:

– Подождите, рано радоваться. Еще лет десять продержат нас тут.

Так оно и получилось. Под властью коменданта мы прожили еще десять лет, до конца 1955 года, когда, уже при Хрущеве, были отменены спецпоселения».

После окончания войны в 1945 году, находясь уже на спецпоселении, многие бывшие трудармейцы начали вызывать свои семьи в те места, где они жили и работали. Появилась возможность создавать и новые семьи. В 1951 году Арнольд Петрович женился на Эмме Карловне Шмидт, которая вместе со своим братом и младшей сестрой приехала жить к родителям в Коми АССР в 1946 году из места высылки. В 1952 году у тети Эммы и дяди Арнольда родилась дочь Лидия.

В марте 1953 года умер И. Сталин. В стране наступала эпоха перемен, но еще действовало постановление «О правовом положении спецпереселенцев». Весной 1954 года, с особого разрешения коменданта, дядя Арнольд наконец смог поехать на Алтай и через двенадцать лет вновь встретиться со своей матерью и младшим братом, которые жили в селе Бочкари, куда они всей семьей были высланы с Волги в 1941 году.

13 декабря 1955 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Указ отменил спецпоселения, запретив при этом возвращаться в свои родные места. «Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Так гласил пункт 2 Указа. Трагедия немецкого народа в СССР продолжалась.

Александр Шпак.